

Г. Е. Попова

Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4134-8954

 E-mail: pebble2406@mail.ru.

Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются когнитивно-коммуникативные аспекты политической и, в частности, парламентской коммуникации (парламентский дискурс от других разновидностей политического отличаются тематическая релевантность, публичность и институциональная регламентированность полемики, скрупулезность аргументации, определенная культура рассуждений, дискурсивная когерентность (прецедентность) и протокольная интертекстуальность, обусловленный необходимостью принятия решения (закона) поиск консенсуса). На основе когнитивных методологических построений предлагается структурная модель когнитивного пространства парламентского дискурса, раскрывающая взаимодействие иерархически организованных пропозиций. Автор выдвигает гипотезу о приоритете принципа релевантности в когнитивной структуре политической коммуникации. Целью исследования становится механизм принятия решения как основная функциональная характеристика парламентской коммуникации. Подчеркивается роль консенсуса и необходимость конструктивной делиберативной составляющей в процессе взаимодействия политического класса и гражданского общества. Выделяются дифференциальные признаки политической персуазивности, выявляется механизм взаимодействия внешнего и внутреннего контекстов в процессе институционального речевого взаимодействия. Материалом исследования выступает политическая дискурсивная формация современной Франции. На примере политического кризиса, проявившегося в движении «желтых жилетов», проводится анализ степени релевантности дискурса политической элиты в коллективном сознании гражданского общества. Анализ приводит к выводу о необходимости дальнейшей разработки структуры и функций политической релевантности как конклюдентного механизма и средства достижения консенсуса в делиберативной политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; консенсус; релевантность дискурса; когнитивный анализ; политический дискурс; парламентаризм; политическая коммуникация; парламентская коммуникация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Астраханский государственный технический университет; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова, Г. Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации / Г. Е. Попова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 81—89.

Политическая коммуникация, как правило, рассматривается как регулятивная социальная интеракция, имеющая тройную цель: «распределение общественных ресурсов; контроль за принятием решений / право принимать решения (судебные, законодательные и исполнительные); применение санкций (право наказывать или награждать)» [Шейгал 2000: 14]. В многочисленных исследованиях политической коммуникации выделяются такие ее черты, как институциональность, пропозициональная неопределенность, театральность, агональность, ритуальность, идеологичность, манипулятивность, медийность и т. д. [Чудинов 2009].

Однако высокая степень институциональности парламентского дискурса становится его характерологической чертой в сопоставлении с широким пространством политического дискурса. Парламентский дискурс отличается: 1) тематическая релевантность: не все аспекты внутренней и между-

народной политики входят в поле парламентской коммуникации; 2) публичность и институциональная регламентированность полемики: ответственность может рассматриваться как ингерентная черта парламентского дискурса, что влечет за собой 3) скрупулезность аргументации, определенную культуру рассуждений, суждений, выводов и доказательств; 4) дискурсивная когерентность (прецедентность) и протокольная интертекстуальность; и, главное, 5) необходимость принятия решения (закона) ограничивает агональность политической борьбы, инициирует поиск консенсуса, когда эристическая агональность [Тамразова 2016] заменяется на стремление к конструктивной релевантности (ср.: [Кутова, Попова, Шамугия 2015]).

Именно последнее отличие, а вернее, *степень проявления релевантности* как когнитивно-прагматической категории в политической и, в частности, парламентской

коммуникации, становится **предметом нашего рассмотрения**.

Сегодня в исследовании социополитической коммуникации произошел когнитивный поворот, что дает возможность приблизиться к моделированию когнитивного пространства социальной институциональности [Базылев 2005]. Дискурс социальных институтов рассматривается как результат «овеществления» социальных когниций.

Методиками исследования становятся: анализ когнитивных пространств социальных институтов, профилирование общих и специальных фоновых знаний (common ground) как протагонистов институциональной коммуникации, так и их «институциональных клиентов» (термин В. И. Карасика), фиксирование параметров институционального контекста путем отграничения его от более широкого социально-коммуникативного пространства и, наконец, определение когнитивно-интеракциональной динамики институционального дискурса, изучение когнитивных механизмов дискурсивного взаимодействия акторов политического и, в частности, парламентского коммуникативного процесса. За единицу анализа интериндивидуальной и коллективной когниции (common knowledge, common ground) принимается *пропозиция*, имеющая главным своим дискурсивным коррелятом высказывание — речевой акт. И за высказыванием — материальным воплощением пропозиции — кроются различные измерения: денотативно-референтное, логико-инференциальное, аргументативное и др. [Арутюнова 1990]. Пропозиция отражает определенное положение вещей, фрейм, структурную рамку, ограничивающую деятельность континуум в понятии отдельной структурированной *социальной ситуации* [Гофман 2003].

Цель нашей статьи — рассмотреть возможность социокогнитивного подхода на примере исследования взаимодействия парламентского и политического дискурса и показать, что особенность парламентской коммуникации, в отличие от политической коммуникации вообще, состоит в статусе конструктивного консенсуса как прототипической основы делиберативной^[1] институциональности. В основе консенсуса лежит категория релевантности, характеризующая пропозицию как единицу когнитивного анализа аргументативно-персуазивной политической делиберации.

1. Когнитивная структура парламентской коммуникации

Парламентский дискурс (ПД) — один из главных социально-политических институ-

циональных дискурсов общества, который, помимо политической борьбы противостоящих партий, олицетворяет делиберативный процесс в политике, является проявлением конкурентной диалогической кооперативности [Алферов, Кустова, Попова 2013] и коммуникативной институциональности в политической коммуникации.

Основными характеристиками ПД являются, с одной стороны, аргументативная и риторическая персуазивность [Правикова 2018], а с другой — конклюдентность, т. е. законотворческая целенаправленность и завершенность, проявляющаяся в выработке законодательного текста [Алферов, Кустова 2014]. Суть парламентской коммуникации состоит в решении социополитических задач посредством обсуждения и *принятия решения*, имеющего законодательное, государственно-управленческое и общественно-политическое значение [Boltanski, Thévenot 1991]. Поэтому цель критической дискуссии в парламенте — «убедить противоположную сторону в своей правоте» — предопределяет необходимость делиберативной дискуссии в целях оптимального для всех решения, предполагающего компромисс, консенсус.

Коммуникативные, когнитивные и лингвопрагматические механизмы *делиберации* (диалога) прототипичны. Они заложены в природе человеческого общения, в принципе кооперативности [Grice 1979] и — шире — в когнитивной эмпатии [Zlatev 2014], в коллективном мышлении и кооперативной *коллективной интенциональности* [Томаселло 2011]. Консенсус можно рассматривать как персональное (внутреннее) решение каждого участника делиберации и как общее (внешнее) коллективное соглашение [Heinich 2017]. Поэтому под *внутренним консенсусом* мы понимаем *осознание* и решение индивидуумом проблемной ситуации, и, как следствие, получение нового выводного (конклюдентного) *знания* [Dijk 2003], на основе которого *решение* декларируется для осуществления дальнейшей деятельности.

Под *внешним консенсусом* мы подразумеваем ту когнитивно-аналитическую базу, которая возникает в результате коллективного обсуждения и решения общей проблемной ситуации. Такая база формируется в ходе аргументативного обмена и составляет основу конклюдентного текста, имеющего законодательный статус. В дальнейшем такого рода декларации (законы) становятся фундаментом *общего социального консенсуса* — гарантией стабильности в обществе. Суть парламентской делиберативности заключается в том, что во внешний консенсус включаются и все избиратели (гражданское

общество), от имени которых действуют парламентарии. Поэтому чем меньше процент оставшихся вне поля консенсуса, тем более устойчивой является общественно-политическая ситуация [Fernros, Schaffer 2014]. В этом состоит политическая релевантность парламентского консенсуса [Murphy, Shleifer 2009].

Отсюда следует, что одним из главных условий реализации *эффективности парламентской коммуникации* должен быть когнитивно-коммуникативный *поиск* коллективного и индивидуального **консенсуса** как основы принятия того или иного решения в ходе парламентской деятельности [Kettner 2007]. Наша задача — показать, что процесс достижения внутреннего и внешнего консенсуса строится на основе когнитивно-прагматического **механизма релевантности** ^[2].

Релевантность как релятивная категория зависит от структурного и/или функционального контекста (ко-текстной дистрибуции и/или ситуации). Прагмакогнитивный подход тесно связывает релевантность с «вычислительными» (computational) способностями интеллекта и включает в себя интересубъективное, интеракциональное измерение.

В парламентской когнитивно-деятельностной формации *согласие* объединяет два эпистемических начала, два операциональных знания — *делиберативное* и *волитивное*. *Делиберативное знание* связано с понятием консенсуса — внешней договоренности в институциональном коллективе на основе внутреннего согласия отдельных субъектов. *Волитивное знание* связано с понятием институционального принуждения («когнитивного насилия» — ср. [Медведева, Воронкова 2013]) и представляет собой знание (осо-знание, при-знание) конвенциональной необходимости (партийная, групповая принадлежность и т. д.). В менее политизированной дискуссии (научный, технический анализ) превалирует убедительность (*credibility*) и обоснование (*justification*), в политике же господствует *персуазивность* как интеллектуально-волитивное воздействие [Murphy, Shleifer 2004].

Наличие альтернативных (противоречащих) слотов в структуре когнитивного фрей-

ма создает *проблемную ситуацию*, которая требует решения на основе *интенционального основания* — базового аргумента, позволяющего считать решение правильным, а соответствующую ему пропозицию — истинной и/или обоснованной (релевантной) ^[3].

Гипотезой исследования становится положение о корреляции релевантности пропозиции (фрейма) и релевантности выражающего ее дискурса (высказывания). Л. В. Правикова выделяет три типа пропозиций, постоянно присутствующих в ментальном пространстве парламентской интеракции: *пропозицию факта*, *пропозицию ценности* и *пропозицию политического курса* [Правикова 2018]. Такая типология носит метауровневый характер, так как любое содержание (тема, повестка) парламентского дискурса должно рассматриваться именно в этих категориях. Поэтому мы относим их к метапропозициональному уровню парламентской коллективной когниции.

Следующий уровень когнитивной интеракции парламентской коммуникации представлен противоположенными макропропозициями (МП), или — в терминах риторики — тезисами, которые вступают в делиберативно-аргументативное взаимодействие [Peleckis, Peleckienė 2015].

Макропропозиция референтно соотносится с утверждением или фактом. Это фактуально-событийная сторона предмета, тема обсуждения («Пенсионная реформа», «Налоги на топливо» и т. д.). На макропропозицию накладываются отмеченные выше метапропозиции: *метапропозиции фактуальности*, *ценности политического курса*.

Обсуждаемая на заседании парламента проблемная макропропозиция (например: «Принять / не принять закон о пенсионной реформе») состоит из двух базовых (профилирующих) пропозиций, одна из которых — «Реформа необходима», другая — «Реформа губительна». Базовая, или профилирующая пропозиция имеет свои про- и контраргументы в виде *микропропозиций* — аргументов — суждений и высказываний субъектов делиберативного процесса. Таким образом, пропозициональную структуру делиберативности можно представить так, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Пропозициональная структура делиберации

МЕТАПРОПОЗИЦИИ	Фактуальность, оценочность, необходимость
Макропропозиция	Выдвигаемый для обсуждения тезис
Базовые (профилирующие) пропозиции	Пропозиции принятия решения (ЗА/ПРОТИВ)
Микропропозиции	Аргументы, обоснования, импозиции

Таблица 2

Делиберативная модель принятия решения

ИНИЦИАЛЬНАЯ МАКРОПРОПОЗИЦИЯ	АРГУМЕНТАТИВНАЯ ДЕЛИБЕРАЦИЯ (микропропозиции)	КОНКЛЮЗИВНАЯ МАКРОПРОПОЗИЦИЯ
→ вербализация →		→ концептуализация →

Совокупность метапропозиций — основных ипостасей проблемы, выдвинутой на обсуждение, — дает *интенциональное основание* для оценки **релевантности** МП и *принятия решения* каждым участником делиберативной интеракции.

Динамика делиберативного процесса, происходящего при обсуждении спорной проблемы, представлена в табл. 2.

Этот процесс происходит за счет двух когнитивно-прагматических механизмов:

- формирования индивидуальных ментальных и *контекстуальных моделей* [Dijk 2009] участников парламентских дебатов и
- формирования представления о *степени релевантности* [Wilson, Sperber 1990] макро- и микропропозиций (истинности, нравственности, партийности и т. д.).

Релевантность высказывания напрямую зависит от способности моделирования аудитории, понимания ее внутреннего контекста (*recipient design*) [Mölders 2013]. В институциональной коммуникации чаще имеют место «навязанные релевантности» [Шюц 2004: 566] как результат *импозиции*, т. е. легитимизированного «когнитивного насилия» [Wilson, Sperber 1990]. Общность базовой системы внутренних релевантностей парламентариев как когнитивных субъектов определяется институциональной ответственностью за принятие государственных и политических решений. Исходя из представления о ментальных контекстуальных моделях и их дискурсивных коррелятах, мы предлагаем различать два типа (А и Б) и несколько уровней *релевантности*.

А. Релевантность пропозиции:

- событийная релевантность (эвиденциальная и коммуникативная);
- инференциальная релевантность (логическая и контекстуальная);
- институциональная релевантность (идеологическая и политическая).

Б. Релевантность дискурсивного коррелята-высказывания:

- релевантность пропозиционального отношения (истинность, ложность, вероятность и другие модальности);
- импlicative релевантность (интерпретативная, семантико-прагматическая);
- иллюкутивная релевантность (уместность и успешность речевого акта);

- аргументативная релевантность (персуазивная, риторическая);
- интерперсональная релевантность (вежливость, уважение и т. п.);
- дискурсивная релевантность (значимость высказывания в дискурсе и дискурса в дискурсивной формации) [Попова 2004; 2018].

Парламентский дискурс разворачивается в двух коммуникативных фреймах (по И. Гоффману): профессионально-политическом (внутреннем) и социально-политическом (внешнем). Внутреннее институционально-коммуникативное пространство — это взаимодействие профессиональных акторов — политиков, парламентариев, экспертов, их квалифицированных компетенций, выражающихся в определенных типах интеракций — жанрах парламентского, юридического и управленческого дискурсов (принятие поправок к закону, делиберация в парламентских группах и фракциях, экспертный анализ и т. д.)^[4].

В отличие от парламентского дискурса, пространство общеполитического дискурса в рамках национальной социополитической коммуникации в меньшей степени зависит от условий политической толерантности и ограничения противоречий между политическими противниками.

Однако на примере недавних событий во Франции можно показать, как когнитивная интеракция между политическим классом и гражданским обществом зависит от условий функционирования категории релевантности.

2. Иррелевантность высказываний и перформативность нерелевантной пропозиции в политической дискурсивной формации

Внешним социально-политическим пространством парламентской коммуникации выступает вся политическая дискурсивная формация (ПДФ). В рамках ПДФ делиберация может рассматриваться как диалог политического класса (ПК) и гражданского общества (ГО). С парламентским дискурсом в пространстве национальной политической дискурсивной формации взаимодействуют, с одной стороны, дискурсы правительства, президента, с другой — дискурсы СМИ и дискурсы ГО в лице постоянных и/или окказиональных гражданских организаций и движений (манifestаций, делегаций, митингов, пикетов и т. п.).

Таблица 3

Структура политической дискурсивной формации (ПДФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС		ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	
ПРЕЗИДЕНТ	ПАРЛАМЕНТ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕДИА (САЙТЫ)	НПО
ПРАВИТЕЛЬСТВО			ПРОФСОЮЗЫ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ		СМИ ИНТЕРНЕТ	ДВИЖЕНИЯ и АКЦИИ

Как было отмечено, в рамках общественной делиберации область актуальной коммуникации лежит между инициальной и конклюдивной макропропозициями (см. выше — табл. 2). Например, недавняя инициатива (инициальная макропропозиция) правительства Франции по введению «экологического налога на топливо» представлена следующей пропозициональной формулой: «Увеличение налога на стоимость горючего составит часть бюджета страны, направляемую на развитие экологически чистых источников энергии (ветряные электростанции и т. п.)» (P1). Одним из главных слотов-аргументов такого решения стал тот факт, что стоимость автомобильного топлива во Франции не самая высокая в ЕС. Однако с точки зрения налогоплательщика эта пропозиция вступает в противоречие с фактом снижения доходов (покупательной способности) значительной части населения, с одной стороны, и наличием высокой потребности в использовании личного транспорта, что при повышении цен на бензин создает угрозу семейному бюджету многих французов. Таким образом, инициальная макропропозиция (предложение правительства) вступает в противоречие с внутренним контекстом гражданского общества («благополучие людей») и приводит к *контроверзе* между ГО и правящей политической элитой. Это противоречие выразилось в *контр*-макропропозиции ГО «Повышение налога на топливо — угроза жизненным интересам французов» (P2). Аргументация P2 базировалась, в частности, на упреке правительству в отказе от прогрессивного налога на сверхприбыли и рядом других слотов этого контрфрейма.

Как известно, недовольство граждан выплеснулось в социальные сети. В течение нескольких недель (ноябрь — декабрь 2018 г.) призывы участвовать в пикетах и митингах вывели людей на демонстрации, охватившие всю страну. Движение «желтых жилетов» (*mouvement des gilets jaunes*) (далее — ДЖЖ) поддержали около 80 % населения Франции. Фактуальным (событийным) контекстом проблемной макропропозиции, таким образом, стали спонтанно организовавшиеся через социальные сети демонстрации

по всей стране и в столице Франции. Требование отменить «экологический налог» превратилось в целый список социально-политических претензий в адрес правительства, президента и парламента республики: снизить налоги, увеличить минимальную зарплату, отменить налог на топливо, вернуть прогрессивный налог на крупные состояния и т. д. Изменение в контексте (народные манифестации, вандализм погромщиков, угроза радикализации конфликта) привело к изменению инференциальной релевантности как *про*- (P1), так и *контр*- (P2) макропропозиций: релевантность P1 практически свелась к нулю, в связи с расширением макроконтеста — многочисленных манифестаций. Инференциальное знание 'низкий уровень жизни', связанное с пропозицией P2, инициировало расширение P2 < P3. Пропозиция P3 «Устранение социальной несправедливости в обществе» вобрала в себя все требования ДЖЖ, выраженные рядом пропозиций. Две из них напрямую относятся к предмету нашего рассмотрения.

Первая профилирующая пропозиция ДЖЖ напрямую коснулась релевантности политического дискурса власти. Президенту Макрону вменялось в вину высокомерие, проявившееся в его заявлениях.

Э. Макрон, еще будучи министром экономики, открыл череду своих «мемов» обращением к безработным: *Vous n'allez pas me faire peur avec votre tee-shirt. Le meilleur moyen de se payer un costard, c'est de travailler. — Вы не напугаете меня вашей майкой. Лучший способ купить костюм (арго) — это работать*, которое вместе с высказыванием о женщинах — работницах фермы (*...une majorité de femmes ... pour beaucoup illettrées... — ...большинство женщин, как правило, неграмотных*) — принесло ему характеристику «незрелого политика» [Figaro-2015]. С тех пор высокомерие (*arrogance*) становится главной медийной чертой Макрона, который получает прозвище «Юпитер» (*“Jupiter planète gazeuse”*) [Figaro-2017]. Макрона-президента начинают обвинять в «монархическом» речевом поведении. Его полемическое *Je ne céderai rien, ni aux fainéants ni aux cyniques ni aux extrêmes... qui foutent le bordel* (Я не уступаю ни

лентяям, ни циникам, ни крайним, ...которые устраивают бардак...), адресованное противникам реформ, или вырванное из контекста ироничное *Gaulois réfractaires au changement* (Галлы, огнеупорные к переменам), или гиперболическое *...des gens qui réussissent et des gens qui ne sont rien...* (успешные люди и ничтожества) и другие высказывания были «раскручены» прессой и Интернетом, политическими противниками слева и справа [Figaro-2018]. Данный контекст стал предметом обсуждения в соцсетях, в СМИ и в политических дебатах в парламенте. Сторонники Макрона и он сам говорили, что такой стиль общения «ломает канцелярский язык» («langue de bois») в стремлении «быть понятным» [Macron 2018], однако эристика высказываний президента породила эристику со стороны его политических противников и, главное, в обществе в целом.

Второй базовой пропозицией ДЖЖ стало недоверие к представительской парламентской системе, требование усиления «гласа народа» в политической жизни страны — было предложено создать постоянный делиберативный механизм в виде «Народного Референдума»: *Le Référendum populaire doit entrer dans la Constitution. Création d'un site lisible et efficace, encadré par un organisme indépendant de contrôle où les gens pourront faire une proposition de loi (В Конституции должен быть прописан Народный Референдум: создание сайта, понятного и эффективного, представляющего независимый контрольный орган, в котором примут участие граждане, уполномоченные выходить с законодательными инициативами)* [Figaro-2018].

Делиберация в рамках политической дискурсивной формации, возникшая вокруг кризиса «желтых жилетов», показала, что диалог политического класса и гражданского общества как элемент делиберативной демократии — это не теоретический конструкт политической философии, а реальность, с которой нельзя не считаться в политике современного демократического государства. Теперь на повестке парламентских слушаний возникает «макропропозиция» о создании Референдума гражданской инициативы — «Référendum d'Initiative Citoyenne (RIC)» [Idem].

Таким образом, парламентский дискурс, являясь конклюдивным, подводит итог коллизиям политической коммуникации в виде протокольных и законодательных документов. Особенно в случаях, когда объектом этих коллизий становится первое лицо государства.

Мы видим, что следствием нерелевантности пропозиций акторов общеполитического коммуникативного пространства Франции стала необходимость поиска конструктивного консенсуса на парламентском уровне и его институционального закрепления в определенной законодательной форме.

Это доказывает, что отношение (максимальной) релевантности между когнитивным пространством правительственной и парламентской коммуникации и внешним когнитивно-дискурсивным пространством гражданского общества выступает средством поддержания социополитической стабильности в общественной жизни. Поэтому рассмотрение системы и функционирования когнитивных и прагматических механизмов политической делиберации и механизмов парламентского дискурса сквозь призму категории релевантности является перспективным направлением исследований в политической лингвистике, политологии и политической конфликтологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Делиберативность здесь понимается широко — как дискуссия, процесс обсуждения («обдумывания» — англ.) разных точек зрения [Eemeren, Grootendorst 1994]. Принятое в политологии специальное (узкое) понятие «делиберативная демократия» [Хабермас 2001] противопоставляется представительской, т. е. парламентской, демократии и вызывает противоречивые оценки [Bohman 1998; Kettner 2007].

[2]. Прагмакогнитивная теория релевантности (TP) — от истоков [Sperber, Wilson 1989; Wilson, Sperber 1990] через критическое развитие [Dijk 2009; Eemeren, Grootendorst 2004; Tokimoto 2015] — превращается в методологический инструмент зарубежной социолингвистической науки (см. тж.: [Правикина 2002; Шпербер, Уилсон 1988]).

[3]. Отличие истинности от релевантности знания заключается: 1) в противопоставлении логического и прагматического (эмоционально-оценочного) компонентов рассуждения, 2) в различии аргументативной и персуазивной составляющих в речи, 3) в расхождении алетической и деонтологической (и других) модальностей пропозиции [Попова 2018].

[4]. Существует мнение, что национальные парламенты по их дискурсивно-когнитивному стилю можно разделить на профессиональные (Великобритания) и «театрально» делиберативные (Италия, Франция) [Heurtin 1999].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2. С. 77—79.

2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Европейский парламентский дискурс: стратегия исследования // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2014. № 1. С. 91—94.
3. Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 401.
4. Базылев В. Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование // Концептуальное пространство языка. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 324—330.
5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
6. Емерен ван Ф. Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. — СПб.: Нотабене, 1994. 239 с.
7. Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Шамугия Л. Г. Интеракциональная релевантность парламентского дискурса // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 2. С. 203—206.
8. Медведева М. А., Воронкова Н. В. Морально-нравственные аспекты легитимации насилия // Идеи и идеалы. 2013. № 4 (18). Т. 1. С. 137—145.
9. Попова Г. Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2004. 16 с.
10. Попова Г. Е. Релевантность как категория парламентского дискурса // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы Междунар. конф. 2018. С. 194—197.
11. Правикова Л. В. Релевантность как когнитивная и лингвистическая категория // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. — Рязань, 2002. С. 45—55.
12. Правикова Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 359—362.
13. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85—87.
14. Томаселло М. Истоки человеческого общения. — М.: Языки славянских культур, 2011. 323 с.
15. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001. 419 с.
16. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. 431 с.
18. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. С. 153—212.
19. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
20. AN-I — Assemblée nationale [Electronic resource]. XVe législature. Session ordinaire de 2018—2019 Compte rendu intégral. Deuxième séance du mardi 11 décembre 2018. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/15/cr/2018-2019/20190102.asp#P1561310>.
21. Bohman J. The coming age of deliberative democracy // The Journal of Political Philosophy. 1998. No 6 (4). P. 400—425.
22. Boltanski L., Thévenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. — Paris: Gallimard, 1991. 496 p.
23. Dijk van T. A. Knowledge in parliamentary debates // Journal of Language and Politics. 2003. No 2. P. 93—129.
24. Dijk van T. A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. 287 p.
25. Eemeren van F. H., Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach. — Cambridge, New York: Cambridge Univ. Pr., 2004. 216 p.
26. Fernros H. F., Schaffer J. K. The Consensus Paradox: Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? [Electronic resource] // Political Studies. 2014. Febr. No 62 (S1). URL: <https://online.library.wiley.com/journal/14679248>.
27. Figaro-2015. Une petite phrase d'Emmanuel Macron sur les «milliardaires» consterne à sa gauche [Electronic resource] // Le Figaro. 7.01.2015. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/01/07/25002-20150107ARTFIG00070-une-petite-phrase-d-emmanuel-macron-sur-les-milliardaires-consterne-a-sa-gauche.php>.
28. Figaro-2017. «Illettrés», «fainéants», «bordel»... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron [Electronic resource] // Le Figaro. 5.10.2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005ARTFIG>.
29. Figaro-2018: L'Assemblée Nationale approuve les annonces d'Edouard Philippe [Electronic resource] // Le Figaro. 5.12.2018. URL: <http://video.lefigaro.fr/figaro/video/gilets-jaunes-l-assemblee-nationale-approuve-les-annonces-d-edouard-philippe>.
30. Grice H. P. Logique et conversation // Communications. 30. — Paris: Seuil, 1979. P. 57—72.
31. Heinich N. Des Valeurs. Une approche sociologique. — Paris: Gallimard, 2017. 406 p.
32. Kettner M. Deliberative democracy: from Rational Discourse to Public Debate // The Information Society: Innovation, Legitimacy, Ethics and Democracy. 2007. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-72381>.
33. Macron E. Faire de cette colère une chance [Electronic resource] // Site officiel du Président de la République Française. 12.10.2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/12/10/adresse-du-president-de-la-republique>.
34. Mölders M. Irritation expertise: Recipient design as instrument for strategic reasoning [Electronic resource] // European Journ. of Futures Research. 2013. No 2 (1), 32. 2013. URL: <http://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs40309-013-0032-3.pdf>.
35. Murphy K. M., Shleifer A. Persuasion in Politics // American Economic Review. Papers and Proceedings. 2004. No 94. P. 435—439.
36. Peleckis K., Peleckienė V. Persuasion in Business Negotiations: Strategic Orientations and Rhetorical Argumentation // Universal Journ. of Management. 2015. No 3 (10). P. 413—422.
37. Sperber D., Wilson D. La pertinence. Communication et cognition. — Paris: Minuit, 1989. 267 p.
38. Tokimoto S. Relevance in Real-Time Interpretation of Utterances // Open Journal of Modern Linguistics. 2015. No 5. P. 511—517.
39. Wilson D., Sperber D. Forme linguistique et pertinence // Cahiers de linguistique française. 1990. No 11. P. 13—35.
40. Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language // The Social Origins of Language / D. Dor, C. Knight, D. Lewis (eds.). — Lund: Lund Univ., 2014. P. 249—266.

G. E. Popova

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4134-8954

✉ E-mail: pebble2406@mail.ru.

The Cognitive-Pragmatic Category of Relevance in the Structure of Parliamentary and Political Communication

ABSTRACT. The article deals with the cognitive-communicative aspects of political, and specifically parliamentary communication (parliamentary discourse differs from other kinds of political communication by topical relevance, public nature and institutional regulation of polemics, carefulness of argumentation, a certain culture of reasoning, discursive co-

herence (precedence), protocol intertextuality, and the search for consensus necessary for making a decision or adopting a law). Based on the cognitive methodological procedures, the author suggests a structural model of the cognitive space of parliamentary discourse demonstrating the interaction between hierarchically organized propositions. The author poses a hypothesis about the priority of the principle of relevance in the cognitive structure of political communication. The aim of the study is to describe the mechanism of decision making as the main functional characteristic of parliamentary communication. The role of consensus and the necessity of a constructive deliberative component in the process of interaction between a political group and the society at large is specially stressed. The author singles out differential features of political persuasiveness and reveals the mechanism of interaction between the inner and outer contexts in the process of institutional verbal communication. The material of the study includes the political discursive formation of modern France. The article analyzes the degree of relevance of the political elite discourse in the public consciousness of the civil society on the example of the political crisis culminating in the yellow vests movement. The analysis leads the author to the conclusion about the necessity of further study of the structure and functions of political relevance as a conclusive mechanism and means of reaching a consensus in deliberative political communication.

KEYWORDS: parliamentary discourse; consensus; discourse relevance; cognitive analysis; political discourse; parliamentarism; political communication; parliamentary communication.

AUTHOR'S INFORMATION: Popova Galina Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.

FOR CITATION: Popova, G. E. The Cognitive-Pragmatic Category of Relevance in the Structure of Parliamentary and Political Communication / G. E. Popova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 81—89.

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interactive Regulation of the Cognitive Space of Interlocutors // Heralds of Pyatigorsk State Linguist. Univ. 2013. No. 2. P. 77—79. [Interaktsional'noe regulirovaniye kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2013. № 2. S. 77—79]. — (In Rus.)
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu. European Parliamentary Discourse: Research Strategy // Herald of Pyatigorsk State Linguist. Univ. 2014. No. 1. P. 91—94. [Evropeyskiy parlamentskiy diskurs: strategiya issledovaniya // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2014. № 1. S. 91—94]. — (In Rus.)
3. Arutyunova N. D. Proposition // Linguistic Encyclopedic Dictionary. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1990. P. 401. [Propozitsiya // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 401]. — (In Rus.)
4. Bazylev V. N. Political Discourse: Cognitive Modeling // Conceptual Space of the Language. — Tambov : Publ. of TSU named after G. R. Derzhavin, 2005. P. 324—330. [Politicheskiy diskurs: kognitivnoe modelirovaniye // Kontseptual'noe prostranstvo yazyka. — Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005. S. 324—330]. — (In Rus.)
5. Gofman I. Analysis of Frames: an Essay on the Organization of Everyday Experience. — Moscow : Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2003. 752 p. [Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. — M. : Institut sotsiologii RAN, 2003. 752 s.]. — (In Rus.)
6. Eemeren van F. Kh., Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions. — Saint Petersburg : Notabene, 1994. 239 p. [Rechevye akty v argumentativnykh diskussiyakh. — SPb. : Notabene, 1994. 239 s.]. — (In Rus.)
7. Kustova E. Yu., Popova G. E., Shamugiya L. G. Interactive Relevance of Parliamentary Discourse // Herald of Pyatigorsk State Linguist. Univ. 2015. No. 2. P. 203—206. [Interaktsional'naya relevantnost' parlamentskogo diskursa // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 2. S. 203—206]. — (In Rus.)
8. Medvedeva M. A., Voronkova N. V. Moral and Moral Aspects of Legitimation of Violence // Ideas and Ideals. 2013. № 4 (18). Vol. 1. P. 137—145. [Moral'no-nravstvennye aspekty legitimatsii nasiliya // Idei i idealy. 2013. № 4 (18). T. 1. S. 137—145]. — (In Rus.)
9. Popova G. E. Relevance of the Utterance as a Unit of Speech Interaction (on the material of the French language) : abstract of thesis ... Cand. of Filol. Sciences. — Voronezh, 2004. 16 p. [Relevantnost' vyzkazyvaniya kak edinit'sy rechevogo vzaimodeystviya (na materiale frantsuzskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2004. 16 s.]. — (In Rus.)
10. Popova G. E. Relevance as a Category of Parliamentary Discourse // Scientific Heritage of V. A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School : Proceedings and Materials of the Intern. conf. 2018. P. 194—197. [Relevantnost' kak kategoriya parlamentskogo diskursa // Nauch-
- noe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly : Trudy i materialy Mezhdunar. konf. 2018. S. 194—197]. — (In Rus.)
11. Pravikova L. V. Relevance as a Cognitive and Linguistic Category // Text and Discourse: Traditional and Cognitive-Functional Aspects of Research. — Ryazan, 2002. P. 45—55. [Relevantnost' kak kognitivnaya i lingvisticheskaya kategoriya // Tekst i diskurs : traditsionnyy i kognitivno-funktsional'nyy aspekty issledovaniya. — Ryazan', 2002. S. 45—55]. — (In Rus.)
12. Pravikova L. V. Persuasivity as a Cognitive Strategy in Parliamentary Discourse // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2018. Num. 1 (79). Part 2. P. 359—362. [Persuazivnost' kak kognitivnaya strategiya v parlamentskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2018. № 1 (79). Ch. 2. C. 359—362]. — (In Rus.)
13. Tamrazova I. G. The Cognitive Space of Euristics // Cognitive Studies of Language. 2016. No. 26. P. 85—87. [Kognitivnoe prostranstvo eristiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 26. S. 85—87]. — (In Rus.)
14. Tomasello M. Origins of Human Communication. — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2011. 323 p. [Istoki chelovecheskogo obshcheniya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 323 s.]. — (In Rus.)
15. Khabermas Yu. Involving the Other. Essays on Political Theory. — Saint Petersburg : Science, 2001. 419 p. [Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. — SPb. : Nauka, 2001. 419 s.]. — (In Rus.)
16. Chudinov A. P. Modern Political Communication : teaching aid. — Ekaterinburg : Ural. State Ped. Univ., 2009. 292 p. [Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2009. 292 s.]. — (In Rus.)
17. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse : doctoral thesis ... of Dr. of Philology. — Volgograd, 2000. 431 p. [Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2000. 431 s.]. — (In Rus.)
18. Shperber D., Wilson D. Relevance // New in Foreign Linguistics. Issue 23. Cognitive Aspects of Language. — Moscow : Progress, 1988. P. 153—212. [Relevantnost' // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. — M. : Progress, 1988. S. 153—212]. — (In Rus.)
19. Shyuts A. Favorites. World, Glowing by Meaning. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 1056 p. [Izbrannoe. Mir, svetyashchiysya smyslom. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 1056 s.]. — (In Rus.)
20. AN-I — Assemblée nationale [Electronic resource]. XVe législature. Session ordinaire de 2018—2019 Compte rendu intégral. Deuxième séance du mardi 11 décembre 2018. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/15/cr/2018-2019/20190102.asp#P1561310>.
21. Bohman J. The coming age of deliberative democracy // The Journal of Political Philosophy. 1998. No 6 (4). P. 400—425.

22. Boltanski L., Thévenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. — Paris : Gallimard, 1991. 496 p.
23. Dijk van T. A. Knowledge in parliamentary debates // *Journal of Language and Politics*. 2003. No 2. P. 93—129.
24. Dijk van T. A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2009. 287 p.
25. Eemeren van F. H., Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach. — Cambridge, New York : Cambridge Univ. Pr., 2004. 216 p.
26. Fernros H. F., Schaffer J. K. The Consensus Paradox: Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? [Electronic resource] // *Political Studies*. 2014. Febr. No 62 (S1). URL: <https://online.library.wiley.com/journal/14679248>.
27. Figaro-2015. Une petite phrase d'Emmanuel Macron sur les «milliardaires» consterne à sa gauche [Electronic resource] // *Le Figaro*. 7.01.2015. URL : <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/01/07/25002-20150107ARTFIG00070-une-petite-phrase-d-emmanuel-macron-sur-les-milliardaires-consterne-a-sa-gauche.php>.
28. Figaro-2017. «Illettrés», «fainéants», «bordel»... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron [Electronic resource] / *Le Figaro*. 5.10.2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005 ARTFIG>.
29. Figaro-2018: L'Assemblée Nationale approuve les annonces d'Edouard Philippe [Electronic resource] / *Le Figaro*. 5.12.2018. URL: <http://video.lefigaro.fr/figaro/video/ gilets-jaunes-l-assemblee-nationale-approuve-les-annonces-d-edouard-philippe>.
30. Grice H. P. Logique et conversation // *Communications*. 30. — Paris : Seuil, 1979. P. 57—72.
31. Heinich N. Des Valeurs. Une approche sociologique. — Paris : Gallimard, 2017. 406 p.
32. Kettner M. Deliberative democracy : from Rational Discourse to Public Debate // *The Information Society: Innovation, Legitimacy, Ethics and Democracy*. 2007. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-72381>.
33. Macron E. Faire de cette colère une chance [Electronic resource] // Site officiel du Président de la République Française. 12.10.2018. ULR: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/12/10/adresse-du-president-de-la-republique>.
34. Mölders M. Irritation expertise: Recipient design as instrument for strategic reasoning [Electronic resource] // *European Journ. of Futures Research*. 2013. No 2 (1), 32. 2013. URL: <http://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs40309-013-0032-3.pdf>.
35. Murphy K. M., Shleifer A. Persuasion in Politics // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 2004. No 94. P. 435—439.
36. Peleckis K., Peleckienė V. Persuasion in Business Negotiations: Strategic Orientations and Rhetorical Argumentation // *Universal Journ. of Management*. 2015. No 3 (10). P. 413—422.
37. Sperber D., Wilson D. La pertinence. Communication et cognition. — Paris : Minuit, 1989. 267 p.
38. Tokimoto S. Relevance in Real-Time Interpretation of Utterances // *Open Journal of Modern Linguistics*. 2015. No 5. P. 511—517.
39. Wilson D., Sperber D. Forme linguistique et pertinence // *Cahiers de linguistique française*. 1990. No 11. P. 13—35.
40. Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language // *The Social Origins of Language* / D. Dor, C. Knight, D. Lewis (eds.). — Lund : Lund Univ., 2014. P. 249—266.